

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ПОЦЕЛУЙ
МЕНЯ НЕЖНО

18+

A detailed illustration of a young man and woman in a romantic pose. The man, on the left, has dark, wavy hair and is wearing a dark blue t-shirt. He is looking down at the woman with a gentle expression. The woman, on the right, has long, flowing brown hair and is wearing a light-colored, possibly white, dress. She is looking up at the man, her face close to his. The background is a soft, warm gradient of orange and yellow, suggesting a sunset or sunrise. The overall style is painterly and romantic.

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВ

ПОЩЕЛУЙ
МЕНЯ НЕЖНО

18+

18+

Сергей Патрушев

Поцелуй меня нежно

«Автор»

2026

Патрушев С.

Поцелуй меня нежно / С. Патрушев — «Автор», 2026

Алиса привыкла к тишине. Её мир — это уютная квартира, работа дизайнером и забота о брате Максиме, но всё рушится, когда в соседнюю квартиру въезжает Сергей — шумный байкер с циничным взглядом и тяжёлым характером. Он быстро становится другом брата, а для Алисы наваждением, от которого невозможно избавиться. Год тайных наблюдений, невысказанных чувств и жгучей ревности заканчивается отчаянным признанием, которое Сергей безжалостно отвергает. Униженная, она решает забыть его и начать новую жизнь, но сама судьба расставляет всё иначе: случайные встречи, ночные разговоры и неожиданная ревность Сергея заставляют обоих пересмотреть то, что они считали правдой. Это история о том, как самые глубокие раны затягиваются только тогда, когда находишь смелость открыть сердце заново. История о любви, которая рождается из ошибки и становится судьбой.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шумный сосед	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сергей Патрушев

Поцелуй меня нежно

Глава 1. Шумный сосед

Тишина, царившая в квартире номер семнадцать, была не просто банальным отсутствием звуков, которые могли бы потревожить слух случайного гостя, переступившего порог этого скромного, но невероятно уютного жилища, — она представляла собой совершенно особую, почти осязаемую субстанцию, сотканную из многолетней привычки двух родственных душ к взаимной деликатности, из глубокого уважения к личному пространству друг друга и из той невысказанной вслух, но неукоснительно соблюдаемой договоренности, которая устанавливается между людьми, пережившими общую потерю и научившимися находить утешение в предсказуемости и покое. Алиса знала эту тишину наизусть, как музыкант знает свою партитуру, как скульптор знает каждый изгиб своего творения, как человек знает поступь близкого друга в кромешной темноте, и эта тишина имела для неё бесчисленное множество тончайших оттенков и полутонов, которые посторонний наблюдатель вряд ли сумел бы уловить и оценить по достоинству: мягкое, едва различимое шуршание страниц, когда её брат Максим, устроившись в своем любимом кресле-качалке, перелистывал очередной томик научной фантастики или технической литературы; приглушенный, почти неслышный щелчок клавиатуры под её собственными проворными пальцами, когда она с головой погружалась в работу над очередным дизайнерским проектом; едва уловимое, монотонное гудение старенького холодильника, который они с братом ласково называли «ветераном кухни» за его многолетнюю бесперебойную службу; и, конечно же, характерный, ни с чем не сравнимый звук закипающего электрического чайника, который неизменно служил предвестником их маленького, но такого важного вечернего ритуала — совместного чаепития с мятными пряниками и неспешными разговорами обо всем на свете.

Они с Максимом жили в этой благословенной, умиротворяющей тишине уже пять долгих и, в то же время, пролетевших как одно мгновение лет, с того самого трагического и перевернувшего всю их жизнь момента, когда не стало родителей, погибших в автомобильной катастрофе на скользкой зимней трассе, и за эти годы тишина стала для них не просто привычным фоном, а настоящим убежищем, непробиваемым коконом, надежным щитом, который защищал их от слишком громкого, слишком быстрого, слишком хаотичного и требовательного внешнего мира, от мира, который не собирался щадить их раненые души и не давал им времени на то, чтобы зализать раны и научиться жить заново. Их собственный, вновь выстроенный по кирпичику мир был сконструирован из простых, незамысловатых, но от этого не менее ценных вещей, которые придавали их существованию ощущение стабильности и хоть какой-то предсказуемости посреди окружающего хаоса. Утро обычного дня начиналось с того, что Максим, стараясь передвигаться по квартире с почти театральной бесшумностью, чтобы не потревожить сон сестры, варил на кухне крепкий, ароматный кофе, причем себе он предпочитал классический черный эспрессо без сахара, а для Алисы, которая не переносила горечь, он всегда тщательно взбивал молоко и добавлял щедрую порцию корицы, отчего по всей квартире распространялся теплый, пряный, обволакивающий аромат, настраивающий на умиротворенный лад. Алиса к тому моменту, когда кофе был готов, обычно уже сидела за своим рабочим столом, который был отгорожен от остальной части гостиной старенькой, выдавшей виды деревянной ширмой, расписанной выцветшими, но все еще сохранившими былые изы-

щество пионами, и сосредоточенно вглядывалась в светящийся экран монитора, на котором постепенно обретали форму её новые творения. Она работала графическим дизайнером на удаленной основе, создавая для небольших компаний и частных предпринимателей логотипы, фирменный стиль, айдентику и книжные иллюстрации, и заказчики ценили её вовсе не за громкое имя или агрессивную самопрезентацию, а за безупречное, выверенное до мелочей чувство стиля, за врожденное умение слышать и понимать пожелания клиента с полуслова и за ту особую, нежную, почти акварельную атмосферу, которую она умела создавать в своих работах. Её брат, в свою очередь, был программистом, таким же тихим, погруженным в свои мысли и несколько отстраненным от внешнего мира человеком, как и она сама, и он целыми днями писал сложный код для какой-то международной IT-компании, общаясь с коллегами исключительно через мессенджеры и лишь изредка, по пятницам, принимая участие в голосовых конференциях, во время которых Алиса всегда старалась вести себя особенно тихо. Их просторная гостиная, совмещенная с кухней, была одновременно и рабочим кабинетом, и столовой, и библиотекой, и местом для отдыха, но это ничуть не смущало ни её, ни брата, поскольку им обоим невероятно нравилось делить пространство, ощущая молчаливую, но от того не менее крепкую поддержку друг друга, которая выражалась в обмене короткими взглядами, сочувственными улыбками и жестами, понятными только им двоим.

Их квартира, доставшаяся им в наследство от родителей, была маленькой и не отличалась какой-либо выдающейся архитектурной изысканностью, но при этом она была невероятно уютной и обжитой, каждая вещь в ней имела свою историю и дышала воспоминаниями. Старый дубовый паркет, местами потемневший от времени и покрытый сетью мелких царапин, тем не менее все еще хранил тепло дерева и приятно поскрипывал под ногами, словно старый друг, который делится своими секретами. Стены, оклеенные бумажными обоями спокойного серо-голубого оттенка, напоминающего цвет предраассветного неба, были украшены фотографиями в тонких металлических рамках — черно-белые пейзажи, снятые их отцом, который при жизни был страстным фотографом-любителем и мог часами бродить по городу в поисках интересных кадров. На широком подоконнике в глиняных горшках теснились узамбарские фиалки, за которыми Алиса ухаживала с какой-то трепетной, почти материнской нежностью, разговаривая с ними по утрам и протирая их бархатистые листья влажной тряпочкой. Ей почему-то казалось, что эти хрупкие, капризные цветы символизируют их собственную жизнь — тихую, незаметную для посторонних глаз, но при этом полную внутренней красоты, стойкости и упрямой, нестигаемой воли к жизни, которая помогала им не сломаться даже в самые темные времена. Её собственная комната, в которой она спала и работала, была и вовсе крошечной, напоминающей келью монахини или мастерскую средневекового художника, но Алиса, обладавшая врожденным чувством прекрасного и умением организовывать пространство, сумела превратить её в подобие уютной творческой студии: повсюду, на столе, на подоконнике, на полу, лежали раскрытые скетчбуки с набросками, вперемешку с остро заточенными карандашами, акварельными красками в потертых металлических коробочках и тюбиками с гуашью. Она невероятно любила рисовать по вечерам, когда работа была уже закончена, за окном сгустились прохладные октябрьские сумерки, а в комнате горела только маленькая настольная лампа, создававшая вокруг неё интимный круг теплого желтого света. Это было её личное, сокровенное время, её медитация, её способ разговаривать с миром и с самой собой, не произнося при этом ни единого слова вслух.

В тот день, которому суждено было стать переломным моментом в их размеренной, установившейся жизни, не произошло ровным счетом ничего необычного, что могло бы хоть как-то намекнуть на грядущие перемены. Утро выдалось пасмурным, хмурым и тоскливым, типичным для середины промозглого октября, когда природа, кажется, окончательно прощается с

остатками тепла и погружается в долгий, беспробудный сон. За окном моросил мелкий, противный, пронизывающий до костей дождь, капли которого с монотонной регулярностью стучали по жестяному карнизу, создавая неровный, но убаюкивающий ритм. Алиса сидела за своим компьютером, поджав под себя ноги и кутаясь в теплый вязаный плед, и занималась доработкой макета этикетки для крафтового лимонада, который заказал ей один из постоянных клиентов — владелец небольшой семейной пивоварни, решивший расширить ассортимент. Клиент был на редкость дотошным и придирчивым, он просил внести уже пятую по счету правку, и Алиса, тяжело вздыхая и периодически потирая уставшие от долгого смотрения в монитор глаза, послушно передвигала пиксели, стараясь сохранить при этом гармонию композиции и не нарушить целостность визуального образа. Максим, как это было принято в их доме, сидел в своей комнате, погруженный в дебри программного кода, и оттуда доносилось лишь едва слышное, успокаивающее постукивание клавиш механической клавиатуры, которое действовало на Алису лучше любой медитации. За окном завывал порывистый северный ветер, но этот звук был привычным, почти родным, он был частью их уютного, защищенного мира, как и тихое, размеренное тиканье старинных настенных часов, доставшихся им от бабушки и висевших в прихожей.

Первым сигналом о том, что привычному укладу их жизни приходит конец, стал звук, который Алиса поначалу не смогла идентифицировать. Резкий, вибрирующий, проникающий, казалось, в самую сердцевину костей, он ворвался в их квартиру, словно незваный гость, который без стука и разрешения распахнул дверь с ноги и принялся хозяйничать в чужом доме. Алиса вздрогнула так сильно, что её рука с компьютерной мышью замерла на полпути к коврику, а сердце пропустило один удар, а затем заколотилось в груди с удвоенной силой. Звук был низким, утробным, гортанным, напоминающим рычание какого-то дикого, экзотического зверя, разбуженного от спячки. Он исходил откуда-то снизу, со стороны лестничной площадки, и, многократно отражаясь от бетонных стен подъезда, эхом разносился по всем этажам, заставляя содрогаться даже массивные дубовые перекрытия. Это был рев мотоциклетного двигателя, но такой мощный, такой раскатистый и такой наглый, что задребезжали хрустальные подвески на старой люстре в гостиной и жалобно звякнули стекла в серванте, где стоял мамин парадный сервиз.

Алиса привстала со своего стула, инстинктивно прислушиваясь и напрягая все свои чувства, как дикое животное, почуявшее приближение опасности. Рев не стихал, он нарастал, пульсировал, вибрировал, заполняя собой все окружающее пространство, а затем резко оборвался, оставив после себя звенящую, почти осязаемую пустоту, которая показалась даже более оглушительной и тревожной, чем сам звук. Через несколько секунд тишину разорвал новый звук — тяжелые, уверенные, размеренные шаги на лестнице. Кто-то поднимался по ступеням, и этот кто-то явно не привык ступать тихо или считал излишним церемониться с соседями. Шаги гулко, как удары огромного барабана, отдавались в бетонных стенах, словно удары метронома, отсчитывающего начало новой, неизвестной и, как подозревала Алиса, не слишком приятной эпохи в их жизни.

— Кого это принесло? — тихо, почти шепотом спросила Алиса, выходя в прихожую и на цыпочках подкрадываясь к входной двери. Максим уже стоял в дверях своей комнаты, прислонившись к косяку и задумчиво протирая стекла очков кусочком замши.

— Понятия не имею, — отозвался он, и его голос прозвучал на удивление спокойно, хотя в глубине глаз читалось легкое беспокойство. — Судя по звуку, кто-то приехал на тракторе,

— усмехнулся он, но улыбка вышла натянутой и неискренней. Его, как и сестру, раздражало и тревожило любое вторжение в их тщательно упорядоченный, застывший во времени мир.

Шаги тем временем достигли их этажа, и Алиса, затаив дыхание, прильнула к дверному глазку, ощущая холод металлической окантовки на коже вокруг глаза. В искажающем линзу стекле она увидела лишь темный, размытый силуэт, который прошел мимо их двери к соседней, под номером восемнадцать. Эта квартира пустовала уже несколько долгих месяцев, с тех самых пор, как оттуда съехала пожилая супружеская пара, перебравшаяся к своим детям в другой город, и с тех пор за стеной было тихо и спокойно, как в склепе, и Алиса успела привыкнуть к этой тишине и даже начала считать её частью их собственного дома.

— Похоже, у нас появились новые соседи, — констатировала она, отходя от двери и поправляя сбившуюся набок прядь волос. — И, судя по всему, они очень... очень громкие.

— Будем надеяться, что это разовое явление, — отозвался Максим, возвращаясь в свою комнату и снова усаживаясь за компьютер. — Может, просто друзья помогли что-то привезти, а сам хозяин окажется тихим и незаметным человеком.

Но надеждам, которые они так старательно лелеяли в своих душах, не суждено было сбыться. Через полчаса, когда Алиса снова погрузилась в работу и почти забыла о неприятном инциденте, начался настоящий ад. В квартиру за стеной стали заносить вещи, причем делали это с таким энтузиазмом, с такой грубой силой и с такой скоростью, словно стремились установить мировой рекорд по громкости и неаккуратности. Что-то тяжелое грохотало, ударяясь о косяки дверей, что-то роняли на пол с оглушительным стуком, от которого у Алисы звенело в ушах, что-то с отвратительным скрежетом волокли по бетонному полу лестничной клетки. К этому какофоническому концерту добавились громкие, грубые мужские голоса, которые спорили о том, как лучше развернуть огромный кожаный диван, чтобы он прошел в узкий дверной проем, и громко, раскатисто смеялись над собственными незамысловатыми шутками. Алиса, которая изо всех сил пыталась сосредоточиться на своем макете и сделать вид, что ничего не происходит, в конце концов сдалась, признав свое поражение. Её нервы, натянутые как гитарные струны перед концертом, не выдерживали этого беспрерывного напора.

Она вышла на кухню, чтобы заварить себе успокаивающий ромашковый чай, надеясь хоть немного привести свои мысли в порядок, но и здесь грохот был слышен не хуже, чем в комнате, словно бы соседи двигали тяжелую мебель прямо по её голове, а не по своему полу. Каждый раз, когда за стеной что-то с грохотом падало на пол, Алиса инстинктивно вздрагивала всем телом, расплескивая кипяток из чайника мимо чашки и обжигая себе пальцы. Максим, который ненадолго вышел из своей комнаты, чтобы налить себе стакан воды, выглядел не лучше — на его обычно спокойном, отрешенном лице застыло выражение глубокой задумчивости, смешанной с нарастающим раздражением и плохо скрываемой беспомощностью.

— Это невыносимо, — коротко сказал он, делая глоток воды и морщась, словно пил не прохладную воду, а горькое лекарство.

— Может, сходить к ним? — робко, нерешительно предложила Алиса, хотя сама мысль о том, чтобы вступить в конфликт с незнакомыми людьми, вызывала у неё внутреннюю дрожь. — Попросить вести себя хоть немного потише? В конце концов, это же элементарная вежливость.

— Бесполезно, — покачал головой брат, и в его голосе прозвучала усталость человека, который уже не раз сталкивался с человеческой бесцеремонностью. — Переезд — дело шумное по определению. С этим ничего не поделаешь. Придется перетерпеть. Надеюсь, они закончат к вечеру, и дальше все будет спокойно.

Они терпели. Они старались заглушить шум, включив музыку в наушниках на полную громкость, но грохот за стеной был настолько мощным и вибрирующим, что проникал даже сквозь плотный бит любимых треков Алисы, превращая её плейлист в бессмысленный набор звуков. Она раз за разом теряла нить размышлений, не могла уловить мысль, которая еще секунду назад казалась такой ясной, четкой и гениальной, и ей приходилось заново перечитывать техническое задание, чтобы вспомнить, что от нее вообще требуется. Работа встала намертво, и все её попытки сдвинуть дело с мертвой точки заканчивались лишь нарастающей головной болью и чувством собственного бессилия. День, который начинался как спокойный, продуктивный и многообещающий, превратился в сухую пытку, в испытание на прочность, которое она, казалось, проваливала с треском.

Ближе к вечеру, когда за окном уже окончательно стемнело и серые тучи превратились в чернильную мглу, а Алиса уже всерьез подумывала о том, чтобы собрать свой ноутбук и бежать в ближайшую круглосуточную кофейню, грохот за стеной неожиданно, словно по мановению волшебной палочки, стих. На смену ему пришла тишина, но это была не их прежняя, наполненная уютом и покоем тишина, а напряженная, выжидающая, настороженная, как затишье перед бурей, как пауза, которую берет хищник перед решающим прыжком. Алиса и Максим переглянулись, не веря своему счастью. Неужели всё действительно закончилось?

Ответ они получили через несколько минут, когда окончательно расслабились и начали строить планы на спокойный вечер. Сначала раздался низкий, едва различимый, почти инфразвуковой гул, который Алиса поначалу списала на шум ветра за окном. Но гул нарастал, становился все более отчетливым, все более объемным и всепроникающим. Это была музыка. Тяжелый, ритмичный, пульсирующий бас, который не просто звучал — он давил на барабанные перепонки, проникал в самую структуру стен, заставляя вибрировать их внутренности и дребезжать все, что могло дребезжать. К басу добавились искаженные гитарные риффы и чей-то хриплый, надрывной, истошный голос, выкрикивающий слова на английском языке. Сосед включил музыку. И не просто включил, а врубил на полную катушку, на максимальную громкость, которую только могла выдержать его аудиосистема, не взорвавшись.

— Да вы издеваетесь! — воскликнула Алиса, вскакивая с дивана, на котором она устроилась с чашкой остывшего чая и книгой в мягкой обложке. Она редко повышала голос, предпочитая сглаживать конфликты и избегать открытой конфронтации, но сейчас она чувствовала, что её терпение, которое она так долго испытывала, лопнуло окончательно и бесповоротно, как перетянутая струна. — Это уже не переезд! Это какое-то варварство! Это неуважение ко всем жильцам дома!

Максим на этот раз не стал спорить и не попытался её успокоить. Вид у него был усталый, измученный и какой-то потухший. Он снял очки и устало потер переносицу двумя пальцами, этот жест всегда выдавал в нем крайнюю степень раздражения и утомления.

— Знаешь, может, ты действительно права, — сказал он, наконец, не глядя на сестру. — Сходить к нему стоит. Только, пожалуйста, без резких движений и громких высказываний. Мы

совершенно не знаем, что это за человек. Вдруг там какой-нибудь байкер-отшельник, который не любит, когда его беспокоят, и который может отреагировать агрессивно. Будь осторожна.

— Байкер, судя по реву мотоцикла, — пробормотала Алиса, натягивая на плечи теплый вязаный кардиган, который висел на спинке стула. — Но он живет в многоквартирном доме! Он должен уважать других жильцов! Он не имеет права так себя вести!

Набравшись храбрости, которой у неё, честно говоря, было не так уж и много, она вышла на лестничную площадку, стараясь ступать уверенно, хотя сердце её колотилось где-то в горле, а ладони стали влажными от волнения. Она ненавидела конфликты, они выбивали её из колеи, заставляли чувствовать себя незащищенной и уязвимой, напоминали о тех временах, когда ей приходилось бороться за свое место под солнцем. Но тишина их с братом дома, тишина, которая была для них не просто фоном, а жизненно важной необходимостью, стоила того, чтобы за неё побороться, даже ценой собственного комфорта и душевного спокойствия.

Алиса подошла к соседней двери и на мгновение замерла перед ней, собираясь с мыслями и прислушиваясь к доносящимся из-за неё звукам. Из-за массивной металлической двери по-прежнему доносился все тот же оглушительный, монотонный рок, который, казалось, проникал даже сквозь толщу стали. Она глубоко вздохнула, медленно выдохнула, стараясь унять дрожь в коленях, расправила плечи и нажала на кнопку звонка, которая отозвалась короткой, резкой трелью где-то в глубине квартиры. Тишина. Она нажала еще раз, подержала кнопку подольше, надеясь, что её визит не останется незамеченным. Музыка за дверью стихла так же внезапно и резко, как и началась, словно её выключили одним небрежным движением руки. В наступившей звенящей, оглушающей тишине Алиса услышала шаги. Тяжелые, уверенные, неспешные, они приближались к двери, и каждый шаг отдавался в её сердце гулким ударом. Она невольно отступила на шаг назад, инстинктивно увеличивая дистанцию между собой и дверью, как будто это могло её защитить.

Дверь распахнулась рывком, с такой силой и резкостью, словно её открыл не человек, а мощный порыв ураганного ветра, сметающий все на своем пути. На пороге стоял он. Высокий, широкоплечий, внушительный, в черной футболке, обтягивающей мощный, рельефный торс. Его темные, слегка выющиеся волосы были взлохмачены, словно он только что провел по ним рукой, на скуле, под легкой щетиной, играли желваки, выдавая напряжение, а в глазах, серых, как грозовое небо перед бурей, застыл ледяной, пронизывающий до костей холод. От него исходил запах бензина, металла, машинного масла и чего-то пряного, терпкого, мужского, отчего у Алисы на мгновение перехватило дыхание. Он заполнял собой все пространство дверного проема, и казалось, что даже воздух вокруг него наэлектризован и потрескивает от скрытой энергии. Этот человек был воплощением силы, напора, грубой мужественности и абсолютной, всепоглощающей уверенности в себе. Он не был красивым в классическом, холеном понимании этого слова, но было в его грубых, резких чертах что-то хищное, притягательное и одновременно отталкивающее, что-то, что не позволяло отвести от него взгляд и в то же время заставляло держаться на расстоянии.

Алиса открыла рот, чтобы произнести заготовленную, отрепетированную в уме фразу. Она повторяла её мысленно сотни раз, пока стояла у двери, собираясь с духом. Она хотела вежливо, но твердо, с достоинством, но без вызова объяснить, что музыка мешает, что они с братом работают дома и что в многоквартирном доме принято уважать покой соседей. Но все слова внезапно испарились из её головы, оставив после себя лишь ватную, звенящую пустоту, и она почувствовала себя полной дурой, стоящей с открытым ртом перед незнакомым мужчи-

ной. Она смотрела на него, чувствуя, как краска медленно, но неотвратимо заливает её щеки, как потеют ладони и как пересыхает во рту. В его присутствии она почувствовала себя особенно маленькой, незаметной, почти невидимой, как мышь, выбежавшая из норки на открытое пространство.

Сергей — а это был именно он, хотя Алиса тогда еще не знала его имени — скользнул по ней равнодушным, скучающим, отсутствующим взглядом, который не задержался на её лице и на долю секунды. Он посмотрел на нее так, как смотрят на пустое место, на докучливое насекомое, на дождь за окном, на предмет интерьера, который не вызывает никаких эмоций. В его глазах не промелькнуло ни искры интереса, ни тени узнавания, ни даже намек на элементарное любопытство. Она была для него просто частью серого, унылого, безликого пейзажа, который он не собирался замечать и уж тем более запоминать.

— Чего надо? — его голос прозвучал неожиданно грубо, с легкой хрипотцой, как будто он только что проснулся или долго молчал. В нем не было ни капли дружелюбия, ни тени приветливости, ни даже формальной вежливости.

От этого вопроса, брошенного как пощечина, Алиса окончательно смешалась. Её щеки запылали еще сильнее, и она почувствовала, как к горлу подступает комок неловкости. Она почувствовала себя настолько глупо, настолько неуместно, настолько нелепо, что ей захотелось развернуться и убежать обратно в свою квартиру, к своей тихой, уютной берлоге, где никто не смотрит на нее так, как смотрел этот незнакомец. Но она снова вспомнила о Максиме, который ждал её дома, о своем нарушенном покое, о своей работе, которая стояла на месте из-за шума, и о том, что она пришла сюда с миссией, с важной задачей, которую должна выполнить.

— Я... — начала она, и голос её предательски дрогнул, сорвавшись на шепот. — Простите, пожалуйста... Я ваша соседка... из семнадцатой квартиры. Понимаете, мы живем за стеной...

Она замолчала, ожидая какой-то реакции, какого-то знака, что он её слышит и понимает. Но её новый сосед продолжал молчать, продолжая сверлить её все тем же тяжелым, немигающим взглядом, под которым она чувствовала себя как под рентгеновским аппаратом. Он не сказал ни «здравствуйте», ни «очень приятно», ни «проходите». Он просто ждал, когда она закончит и уберется восвояси, и его ожидание было красноречивее любых слов.

— Дело в том, что... — Алиса прокашлялась, пытаясь вернуть себе самообладание и придать своему голосу хотя бы видимость уверенности. — У вас очень громко играет музыка. И... и шум от переезда был очень сильный. Мы с братом работаем дома... И нам было бы крайне неудобно, если бы вы... ну... могли бы вы, пожалуйста, сделать музыку немного потише? Хотя бы в вечернее время? Это было бы очень любезно с вашей стороны.

Она выпалила это на одном дыхании, чувствуя, как от собственной дерзости у неё подгибаются колени и кружится голова. Она ожидала чего угодно — взрыва агрессии, новой порции грубости, спора, насмешки. Но Сергей снова удивил её, хотя, если подумать, его реакция была вполне в его духе. Он просто кивнул, коротко и отрывисто, как будто отмахиваясь от назойливой мухи.

— Ага, — бросил он и, прежде чем Алиса успела что-либо добавить или хотя бы осознать произошедшее, захлопнул дверь перед её носом, оставив её стоять на лестничной клетке в полной растерянности.

Алиса осталась стоять на лестничной клетке, ошарашенная такой реакцией, которая была хуже любого скандала. Ей показалось, что она только что разговаривала не с живым человеком, а с каменной стеной, с бездушным автоматом, который не способен на эмпатию. Он не извинился, не пообещал исправиться, не проявил ни малейшей заинтересованности в том, что ей было нужно. Он просто согласился, но в этом его коротком, рубленом «ага» было столько пренебрежения, столько равнодушия, столько холодного безразличия, что Алиса почувствовала себя униженной и растоптанной. Она вернулась домой, тихо прикрыв за собой входную дверь, стараясь не шуметь, как будто в этом все еще был какой-то смысл.

— Ну что? — спросил Максим, выглядывая из кухни, где он, судя по всему, нервно мерил шагами пространство. — Удалось с ним договориться?

— Не знаю, — честно ответила Алиса, прислонившись спиной к двери и прикрыв глаза. — Он сказал «ага» и закрыл дверь. Прямо перед моим носом.

— И все? — удивился брат.

— И все, — подтвердила она.

— Ну, хоть не послал матом, — усмехнулся Максим, пытаясь разрядить обстановку. — Будем надеяться, что он тебя услышал и сделал выводы.

Но Алиса знала, что дело не в этом. Она чувствовала это какой-то глубинной, почти животной, первобытной интуицией, которая редко её подводила. Этот человек был не просто шумным соседом, который не догадывается о существовании других людей. Он был хищником, вторгшимся на их территорию, в их заповедник тишины и покоя. И он даже не посчитал нужным её заметить. Она была для него пустым местом, досадной помехой, на которую не стоит тратить ни времени, ни эмоций. Это чувство — быть стертой, несуществующей, невидимой — было, пожалуй, даже хуже самого громкого шума. Оно царапало изнутри, оставляя неприятный, ноющий осадок в душе.

Вечер прошел в тревожной, наэлектризованной тишине. Музыка за стеной больше не играла, но Алиса не могла расслабиться ни на секунду. Она прислушивалась к каждому звуку, доносившемуся из восемнадцатой квартиры, вздрагивая от любого шороха, от любого скрипа половиц, от любого приглушенного голоса. Обида и какое-то смутное, необъяснимое предчувствие перемен не давали ей покоя, вертелись в голове, не позволяя сосредоточиться ни на книге, ни на разговоре с братом. Она не могла понять, что именно её так задело. Может быть, этот ледяной, равнодушный взгляд, который прошел сквозь неё, как нож сквозь масло? Или грубость, с которой он захлопнул дверь, не дав ей даже договорить? Или осознание того, что их тихая, размеренная, тщательно выстроенная жизнь, которую они так бережно охраняли с братом, только что дала глубокую, возможно, непоправимую трещину?

Ночью она долго не могла уснуть, ворочаясь в постели и прислушиваясь к тишине, которая теперь казалась ей обманчивой и ненадежной. Ей снились странные, обрывочные, тревожные сны, в которых она бежала по бесконечной, слабо освещенной лестнице, а за ней с

оглушительным ревом невидимого мотоцикла гналась темная, бесформенная тень, от которой невозможно было скрыться. Алиса проснулась в холодном поту, с колотящимся сердцем и пересохшим горлом. За окном занимался серый, тоскливый, беспросветный рассвет, обещавший такой же унылый день, как и вчера. Дождь все так же монотонно барабанил по стеклу, словно пытаясь достучаться до неё с каким-то важным сообщением.

Она встала с кровати, накинула на плечи плед и подошла к окну, выглядывая на улицу сквозь мокрое стекло. Внизу, на парковке возле их подъезда, стоял он. Огромный, черный, блестящий от дождевых капель мотоцикл, который выглядел как спящий хищный зверь, готовый в любой момент проснуться и огласить округу своим грозным рыком. Рядом с мотоциклом не было никого, но Алиса знала — его хозяин где-то рядом, возможно, в той самой квартире за стеной, и он уже здесь, уже стал частью её мира, нравится ей это или нет. И от этого осознания по спине пробежал неприятный, колючий холодок. Их тихой жизни пришел конец. Она чувствовала это так же ясно, как приближение грозы, как сгущение туч перед бурей. Это была лишь первая ночь с шумным соседом. И она подозревала, что будет далеко не последней. Она стояла у окна, обхватив себя руками за плечи, и смотрела на этот черный, зловеющий мотоцикл, чувствуя, как в её сердце, где раньше был только уют и покой, зарождается смутная, необъяснимая тревога, смешанная с любопытством. Это был взгляд в новую, неизвестную жизнь, которая началась с грохота и которая, как она подозревала, принесет еще немало потрясений в их с братом маленький, устоявшийся мир. Ей оставалось только надеяться, что этот ураган по имени Сергей пронесется мимо, не разрушив то, что им так дорого. Но, глядя на его мотоцикл, хищно блестящий в рассветных сумерках, она понимала, что эта надежда всего лишь иллюзия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.